

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**



ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
529
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2009 № 529

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 2087-2096 Обыкновенная пищуха *Certhia familiaris orientalis* в условиях малолесной Приханкайской равнины:
порог чувствительности к лесной площади.
Е.А.ВОЛКОВСКАЯ-КУРДЮКОВА,
А.Б.КУРДЮКОВ
- 2096-2097 Случай осеннего докармливания молодого зимородка *Alcedo atthis* на Чёрном Иртыше.
Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
- 2098-2103 О пылевых ваннах рябчика
Tetrastes bonasia. С.А.ФЕТИСОВ
- 2104-2105 Туркестанская горихвостка-чернушка
Phoenicurus ochruros phoenicuroides
в горно-таёжной части Западного Алтая.
Б.В.ЩЕРБАКОВ
- 2106-2107 О куликах поймы Иртыша
в окрестностях Усть-Каменогорска.
В.В.ХРОКОВ, И.Ф.САМУСЕВ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X V I I I
E x p r e s s - i s s u e

2009 № 529

CONTENTS

- 2087-2096 The Eurasian treecreeper *Certhia familiaris orientalis* in poor forested Prichankaiskaya plain: threshold of sensitivity to forest fragment size.
E. A. VOLKOVSKAYA - KURDYUKOVA,
A. B. KURDYUKOV
- 2096-2097 A kingfisher *Alcedo atthis* feeds young on the Black Irtysh in autumn. N. N. BEREZOVIKOV
- 2098-2103 Dust bathing in the hazel grouse *Tetrastes bonasia*.
S. A. FETISOV
- 2104-2105 The black redstart *Phoenicurus ochruros phoenicuroides* in mountain taiga of Western Altai.
B. V. SHCHERBAKOV
- 2106-2107 On waders of Irtysh valley near Ust-Kamenogorsk.
V. V. KHROKOV, I. F. SAMUSEV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Обыкновенная пищуха *Certhia familiaris orientalis* в условиях малолесной Приханкайской равнины: порог чувствительности к лесной площади

Е.А.Волковская-Курдюкова¹⁾, А.Б.Курдюков²⁾

¹⁾ Государственный природный биосферный заповедник «Ханкайский»,
пр. Красного знамени, д. 101. кв. 156. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия.
E-mail: Certhia2007@yandex.ru

²⁾ Биолого-почвенный институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук,
Государственный природный биосферный заповедник «Кедровая Падь»,
пр. Красного знамени, д. 101. кв. 156. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия

Поступила в редакцию 20 ноября 2009

Многие особенности экологии пищух *Certhia* – глубокая специализация их к сбору корма почти исключительно на стволах и толстых ветвях деревьев, гнездование в укрытиях на перестойном или усохшем древостое – отчётливо раскрывают их как группу птиц обширных старовозрастных лесных экосистем (Kuitunen, Helle 1988; Kuitunen, Mönkkönen 1993; и др.). На Приханкайской равнине, которая в современную эпоху крайне бедна лесом (лесные местообитания занимают всего лишь 4% площади), обыкновенная пищуха *Certhia familiaris orientalis* Domaniewski 1922 находит исключительно малые возможности для размножения.

Хотя за годы хозяйственного освоения Приханкайского бассейна общее количество лесов практически не изменилось (Петропавловский, Урусов, 2009), их качество существенно снизилось. В прошлом, описывая растительность береговых валов восточного побережья озера Ханка, А.Ф.Будищев (1898) отмечал леса с преобладанием ильма с диаметром ствола до 70 см (возраст – до 300 лет). Сейчас же здесь в древостое преобладают быстрорастущие виды – осина, берёза маньчжурская, ивы и др., возрастом до 30 лет. На эти породы приходится 72% древостоя. Среди пород с длительным жизненным циклом последние 70 лет непрерывно нарастает численность ильма, у дуба преобладает поколение возрастом 70-90 лет. Таким же молодым (около 70 лет), является преобладающая часть древостоя и большинства других лесных массивов (Гайворонская, Лузанова сопки и др.). Если в большинстве старых лесных массивов на юге Уссурийского края на крупномерный древостой (диаметром более 30 см) приходится в среднем, 18%, в лесных участках на побережье озера Ханка – только 3%. Другое обстоятельство связано с существенной фрагментарностью и изолиро-

ванностью представленных лесных насаждений на Приханкайской равнине. Преобладают небольшие фрагменты: из 209 «островов» леса 55% имели площадь 1-10 га, 28% – 10-50 га, 12% – 50 га – 1.5 км², 4% – 1.5-5 км², 1% – 5-20 км². Восточная форма пищухи *C. f. orientalis*, по нашим данным, острее реагирует на фрагментацию лесов, чем западная группа подвидов, и поэтому малых участков леса, площадью менее 90 га, она не населяет.

Всё вышеперечисленное делает Приханкайскую низменность очень удобной для выявления пределов пластичности восточной формы пищухи. С этой целью в 2001-2004, 2008-2009 годах на побережье озера Ханка мы обследовали разнообразные лесные фрагменты, основное внимание было уделено наиболее крупным из них, площадью 0.41-14.2 км² ($n = 11$). Сезонная динамика населения пищухи выявлена на маршрутах (Равкин, Челинцев 1992), их протяжённость на Приханкайской равнине составила 359 км. Для сравнения использованы учётные данные, собранные в малолесной местности Михайловского района Приморья (285 км, 1997-2006 гг.), долины реки Раздольной (60 км, 2002-2005 гг.), полуострова Муравьёва-Амурского (210 км, 2002-2009 гг.), в окрестностях заповедника «Кедровая Падь» (158 км, 2007-2009 гг.), а также в лесных районах на полуострове Муравьёва-Амурского (729 км, 1998-2009 гг.).

Гнездование пищухи на Приханкайской равнине доказано нами впервые. Ранее она рассматривалась здесь лишь как немногочисленный кочующий и зимующий вид, возможность гнездования отдельных пар которого не исключалась для Гайворонской сопки и отдельных участков береговых валов, где отмечались территориальные, активно поющие самцы (Глущенко и др. 2006). Не распавшийся выводок из 5 молодых птиц, находящихся на попечении родителей, встречен нами 7 июля 2004 в пойменном лесу у подножья Гайворонской сопки, лесопокрытая площадь которой составляет 0.9 км² (44°45'43" с.ш., 132°47'19" в.д.) (Волковская-Курдюкова, Курдюков 2009). Гнездование этого вида в данном лесном фрагменте происходит не регулярно, за шесть гнездовых сезонов признаки гнездования пищухи отмечены лишь в половине случаев.

Другой факт размножения пищухи отмечен в северной части Приханкайской равнины, в нижнем бассейне реки Сунгача, где 3 июня 2009 в наиболее крупном изолированном лесном фрагменте площадью 14.2 км² (45°08'08" с.ш., 133°13'44" в.д.) найдено гнездо этого вида, содержавшее насиженную кладку из 5 яиц. Оно располагалось в 2.1 м от поверхности земли в морозобойной трещине в стволе молодой липы в возрасте около 30 лет (рис. 1) и имело следующие размеры, мм: ширина «входного участка» щели 29, ширина «гнездовой камеры» 67, высота гнездовой постройки 180, диаметр лотка 53, глубина лотка 38.

Своеобразие этой гнездовой постройки заключалось в том, что «подушка» основания гнезда, забивающая щелевидную полость, содержала очень мало тонких сухих ветвей – наиболее частого материала, употребляемого пищухой для этих целей. Вместо этого основание гнезда почти целиком состояло из пластинок коры и лубяных волокон липы, скреплённых между собой с помощью паутины. Лоток гнезда был также устроен преимущественно из тонких полосок луба липы. Кроме того, в нём было довольно много контурных перьев мелких птиц, главным образом синиц. В этой же морозобойной трещине, в 80 см ниже, располагалось жилое гнездо восточной синицы *Parus minor*, где на момент осмотра было не менее 13 наполовину оперившихся птенцов.

Участок гнездования обыкновенной пищухи располагался в широколиственном лесу довольно разнообразного состава. Он был приурочен к конусу выноса в верхней части малого водотока, текущего со склонов в гряде мелкосопочных возвышений Павло-Фёдоровского горста. Древостой вокруг гнезда сравнительно молодой (70-90 лет), но местами на покатых склонах встречаются участки более старого леса (250 лет и более). В составе наиболее обычны дуб монгольский, липы амурская и маньчжурская, берёза даурская, клён мелколистный, бархат амурский, на свежих экотопах – осина, ильм долинный, сирень амурская, ивы. Хвойные породы на участке обитания пищухи отсутствуют, они представлены в окружающих массивах отдельными рощами сосны густоцветковой, растущими на крутых горных склонах вблизи хребтов.

В условиях малолесной Приханкайской равнины пищуха населяет лишь наиболее крупные фрагменты леса, площадью более 90 га, где вероятность обнаружить этот вид на гнездовании в отдельно взятый сезон, по нашим данным, составила 28.6%. На участках древостоя меньшей площади гнездование пищухи здесь не наблюдалось.

Зависимость между площадью занимаемых лесных фрагментов и степенью их изоляции была обнаружена для некоторых дендрофильных птиц Европы. Вблизи от основных местообитаний вероятность заселения видами мелких островков древостоя у них заметно выше, чем на большом удалении от них (Opdam *et al.* 1995; Bellamy *et al.* 1996). Так, в лесных районах Южного Приморья нам известно лишь считан-



Рис. 1. Гнездо пищухи в морозобойной трещине в стволе молодой липы.

ное число случаев размножения *Certhia familiaris orientalis* за пределами сравнительно больших сплошных лесных массивов (гнездование вблизи опушек у открытых участков среди леса в расчёт не принималось). В 2005 и 2008 годах гнездование пищухи обнаружено на участке галерейного леса, представленного лентой древостоя шириной не более 250 м, на удалении 2.8 км от сплошного леса по Сухой речке (заповедник «Кедровая Падь»). Особенностью участка являлось обилие старых и сухостойных чозений. В другом случае, в 2003 году, пара пищух загнездилась на одиноком старом сухостойном ясене маньчжурском, стоящем посреди огорода дачного участка, на расстоянии не менее 25 м от ближайшей опушки дубового леса (полуостров Муравьёва-Амурского, низовья реки Богатая). Наконец, в 2008 году пара пищух гнездилась среди пирогенных редколесий дуба на пологом склоне, на участке с немного более густым древостоем по пойме небольшого ключа («Кедровая Падь»). Следовательно, в Приморском крае и вблизи от основных мест обитания, в богатой лесом местности, *C. f. orientalis* практически пропадает на гнездовании за пределами сплошных массивов леса.

Площадь гнездовой территории обыкновенной пищухи, по измерениям, приведённым для ряда европейских популяций, обычно составляет 3-10 га (Crampe, Perrins 1993). В Уссурийском крае подобные оценки отсутствуют, но, учитывая, что плотность населения вида в старовозрастных лесах здесь может быть столь же высока, как и в старых лесах Восточной Европы (Tomiałojc *et al.* 1984; Tomiałojc, Wesołowski 1996; Wesołowski *et al.* 2006), размер гнездовой территории, очевидно, принципиально такой же. Такой феномен, когда площадь достаточной для гнездования одной пары территории на 1-2 порядка меньше минимальной площади заселяемых в действительности участков леса, наиболее известен для ряда дендрофильных птиц Северной Америки (Robbins *et al.* 1989), которых обозначают общим термином «птицы глубины леса» (forest-interior birds). У *C. f. orientalis*, помимо того, что это типичная «птица глубины леса», имеется другая интересная особенность. Тогда как в большинстве районов Восточной и Западной Европы пищуха способна занимать и сравнительно малые изолированные участки леса, площадью 0.7-19 га (Мальчевский, Пукинский 1983; Crampe, Perrins 1993; Матанцев 2001), в Уссурийском крае она населяет лишь сравнительно крупные лесные массивы, по площади на порядок большие, чем в Европе.

Явные различия на разных краях континента экологии *C. familiaris* – вида, по некоторым данным, генетически довольно однородного (Tietze *et al.* 2006, 2008), можно интерпретировать с двух позиций: с позиции современных экологических факторов и с позиции исторических процессов.

Наиболее очевидным изменением современной экологической обстановки во фрагментарных лесах, приуроченных, как правило, к ландшафтам, находящимся под сильным антропогенным влиянием, является изменение породного состава и возрастной структуры древостоя. На Приханкайской низменности это проявляется в замене долгоживущих пород короткоживущими и в омоложении насаждений (см. выше). Процесс омоложения насаждений развился с волной эксплуатации ресурсов в период русской колонизации Уссурийского края. До этого местность на побережье озера Ханка была крайне слабо заселена, хотя и тогда в богатых лесом районах края участки омоложенных «дровяных» лесов, наряду с великолепными «корабельными» лесами, не были редкостью (Будищев 1898). Из-за ряда морфоструктурных особенностей ныне наиболее массовые короткоживущие породы: осина, «белые берёзы» и ивы, — не принадлежат к числу пород, предпочитаемых в качестве гнездового субстрата *C. f. orientalis*. Другое дело, такая долгоживущая порода, как дуб монгольский. Многочисленный в сухих экотопах, этот вид, благодаря толстой коре, устойчив к воздействию огня, а из-за высокой порослевой способности быстро восстанавливается на вырубках.

Однако, неблагоприятные особенности малых лесов, такие как их омоложенность, отсутствие предпочитаемых хвойных и многочисленность малоиспользуемых быстрорастущих лиственных пород, по-видимому, не являются эффективным сдерживающим фактором для пищухи благодаря большой экологической пластичности этого вида. Так, по нашим материалам, в старовозрастных лесах интенсивность использования древостоя непрерывно возрастает до его возраста 250-300 лет, после чего также плавно снижается. Только 28% гнёзд ($n = 104$) было устроено на деревьях моложе 200 лет. В омоложенных же лесах большинство гнёзд — 76% ($n = 17$) — было устроено в древостое моложе 200 лет (пик приходится на древостой возрастом 50-100 лет), но здесь также наблюдается сверхпропорциональное использование наиболее старого древостоя (возрастом 200-450 лет). В молодых лесах около 25% гнёзд было устроено в щелевидных дуплах в стволах деревьев, в то время как в старых лесах таких гнёзд было лишь 5.8%. Возникающие в результате морозобоя (растрескивания коры и древесины при резком сжатии набухших от воды наружных слоёв ствола в периоды резкого охлаждения), поражаемого сердцевинной гнилью, щелевидные дупла существенно увеличивают количество гнездопригодных ниш в омоложенных лесах.

Для европейских популяций обыкновенной пищухи был показан прямой негативный эффект фрагментации лесов, связанный с увеличением разорения гнёзд у опушечной полосы (Huhta *et al.* 2004), физиологическим стрессом и замедленным ростом птенцов в малых лес-

ных островках (Suorsa *et al.* 2005). Тем не менее, это не мешает пищуке заселять здесь маленькие фрагменты леса. В островах леса в Уссурийском крае пресс хищничества не больше, здесь нет иных, более эффективных, разорителей гнёзд, какие бы отсутствовали в Европе. Наиболее часто гнёзда этого вида здесь разоряют азиатский бурундук *Tamias sibiricus*, белка *Sciurus vulgaris*, колонок *Mustela sibirica*, разные виды полозов, но в малых изолированных лесах их численность часто заметно ниже, чем на опушках сплошных массивов леса. Хищничество большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Уссурийском крае не распространено в такой степени, как в Европе. Прямых данных по сравнительной численности основных объектов питания обыкновенной пищухи (насекомых и пауков) во фрагментарных и сплошных лесах в Уссурийском крае нет. Тем не менее ряд косвенных фактов (высокая численность пищухи в лесных фрагментах на пролёте и зимовке) указывают, что значимые различия и по этому фактору отсутствуют.



Рис. 2. Сезонная динамика плотности населения обыкновенной пищухи *Certhia familiaris orientalis* в лесах Южного Приморья.

Альтернативное объяснение может быть предложено с позиции исторических процессов. Существует интересная биогеографическая теория, объясняющая различия в порогах чувствительности к фрагментации лесов дендрофильных птиц в разных регионах (Северная Америка и Европа). По этой теории, более длительная история антропогенной деградации лесных экосистем в ходе развития пасторальной, пашенной и металлургической активностей человека в Европе, дала популяциям лесных птиц время к выработке адаптаций к обитанию в новой малолесной среде (Mönkkönen, Welsh 1994). В Уссурийском крае

история антропогенного изменения лесов более сходна с историей лесов восточного побережья Северной Америки, хотя начало антропогенной деградации лесов было положено ещё в эпоху расцвета средневековых государств на данной территории.

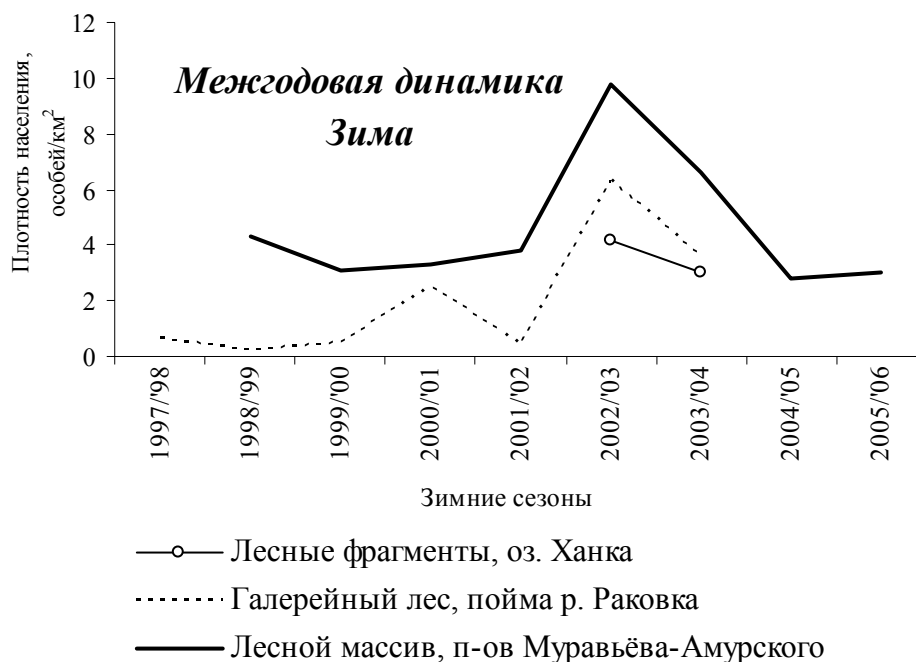


Рис. 3. Динамика средней зимней плотности населения обыкновенной пищухи *Certhia familiaris orientalis* в разные годы

Возможна и более древняя история возникновения этих различий, во время серии мощных флуктуаций климата в плейстоцене. Известно, что в Европе из-за наличия ряда барьеров лесная растительность в периоды ледниковых максимумов деградировала в гораздо большей степени, чем в Северной Америке и Восточной Азии (Huntley, Webb 1989; Blondel 1990; Hino 1990; Keast 1990; Avise, Walker 1998). На восточной окраине Азии в период ледникового максимума (25-15 тыс. лет назад), характеризовавшегося значительной аридизацией климата, лесной покров сохранялся в более гумидных условиях притихоокеанских рефугиумов. Помимо этого, происходила значительная широтная миграция неморальных хвойно-широколиственных лесов вплоть до Тайваня и гор Южного Китая (Назаренко 1982, 1990; Крестов и др. 2009).

Во время сезонных миграций и зимовок у *C. f. orientalis* в Приморье ограничения на минимальные размеры занимаемых фрагментов леса в большой степени снимаются. В разгар осенних перемещений, пик которых приходится на конец октября и начало ноября, в изолированных островах леса на Приханкайской равнине плотность населения пищухи не уступает той, что наблюдается в сплошных лесных

массивах (рис. 2). Особенно большая концентрация этих птиц наблюдается в лентах древостоя береговых валов восточного побережья озера Ханка (расстояние до сплошных лесов – 36 км). Весной, во второй половине марта, здесь же отчётливо заметна волна обратной откочёвки вида, по силе не уступающая осенней. В расположенных в стороне от побережья лесных фрагментах (Гайворонская сопка, галерейный лес реки Спассовки) весенней волны откочёвок не наблюдалось, зимующие пищухи незаметно исчезали на протяжении марта. Сезонные перемещения этого вида на Приханкайской равнине столь ощутимы, что отдельные особи наблюдались даже среди абсолютно бедных древесной растительностью полей рисовой системы: 15-30 ноября 2002 – 0.72 особи на 1 км² ($l = 23$ км), 1-15 февраля 2003 – 0.33 ($l = 22$ км).

Тем не менее, многолетние наблюдения в галерейном лесу реки Раковки (43°51' с.ш., 131°58' в.д., средняя ширина 250 м), явно демонстрируют второочерёдное использование изолированных лесных фрагментов. Это проявляется, во-первых, в более сильных межгодовых флуктуациях численности (коэффициент вариации в сплошных лесах составил 62-70%, во фрагментарных – 110-170%); во-вторых, в более низкой плотности населения в изолированных участках древостоя (рис. 3). Однако иногда концентрация зимующих пищух в галерейных лесах бывает значительной. Так, 2 января 2001 в галерейном лесу в синичьей стае отмечена группа, насчитывавшая 7 *C. f. orientalis*. Некоторые особи в зимний период занимают определённые участки, порой совсем небольшие фрагменты леса, и довольно долго держатся на них совершенно оседло. Так, в Покровском парке Владивостока – прекрасно сохранившемся, хотя и заметно разреженном участке естественного древостоя в центре города площадью 7.2 га – две пищухи постоянно отмечались с января по март 2006 года (дата последней встречи – 6 апреля 2006).

Литература

- Будищев А.Ф. 1898. *Описание лесов южной части Приморской области: сб. главнейш. офиц. документов по упр. Вост. Сиб. 5 Леса Приморского края. (1) Описание лесов Приморской области.* Изд. 2. Хабаровск: Канцелярия Приамурского Генерал-Губернатора: 1-488 + 49 с., прил.
- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2008. Население птиц изолированных лесных фрагментов на Приханкайской равнине // *Сб. трудов регион. научн.-практ. конференции «Амур заповедный», посвященной 45-летию образования государственных природных заповедников «Комсомольский», «Большехехцирский», «Хинганский» и «Зейский». Комсомольске-на-Амуре, 7-9 октября 2008.* Хабаровск: 64-71.
- Глущенко Ю.Н., Шибнев Ю.Б., Волковская-Курдюкова Е.А. 2006. Птицы // *Позвоночные животные заповедника «Ханкайский» и Приханкайской низменности.* Владивосток, 2006: 77-233.

- Крестов П.В., Баркалов В.Ю., Омелько А.М., Якубов В.В., Накамура Ю., Са-
то К. 2009. Реликтовые комплексы растительности современных рефугиумов
Северо-Восточной Азии // *Комаровские чтения* 56. Владивосток: 5-63.
- Матанцев В.А. 2001. Трансформация структуры населения птиц в процессе
фрагментации лесных массивов // *Достижения и проблемы орнитологии Се-
верной Евразии на рубеже веков. Тр. Междунар. конф. «Актуальные про-
блемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии»*.
Казань: 478-489.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и
сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Назаренко А.А. 1982. О фаунистических циклах (вымирание—расселение—выми-
рание...) на примере дендрофильной орнитофауны Восточной Палеарктики //
Журн. общ. биол. **43**, 6: 823-835.
- Назаренко А.А. 1990. Орнитофаунистический обмен между южной и северной
Азией на восточной периферии континента: последний ледниково-межледни-
ковый цикл // *Журн. общ. биол.* **51**, 1: 89-105.
- Петропавловский Б.С., Урусов В.М. 2009. К 150-летию первой лесоустроитель-
ной экспедиции капитана корпуса лесничих А.Ф.Будищева // *Вестн. ДВО
РАН* 1: 91-103.
- Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Методические рекомендации по комплексному
маршрутному учёту птиц*. М.: 1-33.
- Awise J.C., Walker D. 1998. Pleistocene phylogeographic effects on avian popula-
tions and speciation process // *Proc. R. Soc. London Ser. B* **265**: 457-463.
- Bellamy P.E., Hinsley S.A., Newton I. 1996. Factors influencing bird species
number in woodland fragments in southeast England // *J. Appl. Ecol.* **33**: 249-262.
- Blondel J. 1990. Biogeography and history of forest bird faunas in the Mediterranean
zone // *Biogeography and Ecology of Forest Bird Communities*. Hague: 95-107.
- Cramp, S.D., Perrins, C.M. (eds) 1993. *The Birds of the Western Palearctic*. Oxford
Univ. Press, 8: 1-578.
- Hino T. 1990. Palearctic deciduous forests and their bird communities: Comparison
between East Asia and West-Central Europe // *Biogeography and Ecology of Fo-
rest Bird Communities*. Hague: 87-94.
- Huhta E.T., Aho A., Jäntti A., Suorsa P., Kuitunen M., Nikula A., Hakkarainen
H. 2004. Forest fragmentation increase nest predation in Eurasian Treecreeper //
Conserv. Biol. **18**, 1: 148-155.
- Huntley B., Webb T. 1989. Migration: species' response to climatic variations caused
by changes in the earth's orbit // *J. Biogeogr.* **16**: 5-19.
- Keast A. 1990. Biogeography of the North American broad-leaved deciduous forest
avifauna // *Biogeography and Ecology of Forest Bird Communities*. Hague: 109-120.
- Kuitunen M., Helle P. 1988. Relationship of the Common Treecreeper *Certhia
familiaris* to edge effect and forest fragmentation // *Ornis fenn.* **65**: 150-155.
- Kuitunen M., Mönkkönen M. 1993. An experiment on nest-site choice of the
Common Treecreeper in fragmented boreal forest // *Ornis fenn.* **70**: 163-167.
- Mönkkönen M., Welsh D.A. 1994. A biogeographical hypothesis on the effects of
human caused landscape changes on the forest bird communities of Europe and
North America // *Ann. zool. fenn.* **31**, 1: 61-70.

- Opdam P., Fopper R., Reijnen R., Schotman A. 1995. The landscape ecological approach in bird conservation: integrating the metapopulation concept into spatial planning // *Ibis* **137** Suppl. 1: 139-146.
- Robbins C. S., Dawson D. K., Dowell B. A. 1989. Habitat area requirements of breeding forest birds of the middle Atlantic states // *Wildlife Monogr.* **103**: 1-34.
- Suorsa P., Huhta E., Jäntti A., Nikula A., Helle H., Kuitunen M., Koivunen V., Hakkarainen H. 2005. Thresholds in selection of breeding habitat by the Eurasian treecreeper (*Certhia familiaris*) // *Biol. Conser.* **121**, 3: 443-452.
- Tietze T.D., Martens J., Yue-Hua Sun. 2006. Molecular phylogeny of treecreepers (*Certhia*) detects hidden diversity // *Ibis* **148**: 477-488.
- Tietze T.D., Martens J., Yue-Hua Sun, Päckert M. 2008. Evolutionary history of treecreeper vocalisations (Aves: *Certhia*) // *Organisms Divers. and Evol.* **8**, 4: 305-324.
- Tomiałojc L., Wesołowski T. 1996. Structure of a primaeval forest bird community during 1970s and 1990s (Białowieża National Park, Poland) // *Acta ornithol.* **31**, 2: 133-154.
- Tomiałojc L., Wesołowski T., Walankiewicz W. 1984. Breeding bird community of a primaeval temperate forest (Białowieża National Park, Poland) // *Acta ornithol.* **3**, 3: 241-310.
- Wesołowski T., Rowiński P., Mitrus C., Czeszczewik D. 2006. Breeding bird community of primaeval temperate forest (Białowieża National Park, Poland) at the beginning of the 21st century // *Acta ornithol.* **41**, 1: 55-69.



ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 529: 2096-2097

Случай осеннего докармливания молодого зимородка *Alcedo atthis* на Чёрном Иртыше

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Центр биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 2 октября 2009

Во время пребывания в восточной части Зайсанской котловины на Чёрном Иртыше у сопки Ашутас (47°59' с.ш., 85°22' в.д.) 8 и 9 сентября 2009 мной наблюдалась семья зимородков *Alcedo atthis*, состоящая из взрослой птицы и двух доросших молодых. Птицы держались на сухих ветках нескольких полузатонувших тополей, подмытых паводком и повалившихся в воду с обрывистого берега реки. Уже в течение первого часа наблюдений выяснилось, что один молодой зимородок самостоятельно добывает корм, тогда как второй постоянно следовал за взрос-

лой птицей, которая время от времени ловила мальков рыбы и кормила его. В общей сложности за два дня я был свидетелем не менее 8 подобных кормлений. Попыток самостоятельной охоты молодого зимородка ни разу не отмечалось. При посещении этого места повторно 12-13 сентября удалось несколько раз увидеть молодых зимородков, но взрослой птицы с ними уже не было.

Случаев столь позднего докармливания молодых у зимородков в бассейне верхнего Иртыша ранее наблюдать не приходилось (Корелов 1970; Березовиков и др. 2000). Не известны они для других районов Казахстана и Средней Азии (Зверев 1970; Корелов 1970; Сагитов 1990; Пфеффер 2000; Рустамов 2007). Однако в европейской части России известны факты трёхкратного и даже четырёхкратного гнездования зимородков с мая по август (Карташёв 1962; Котюков 1986, 1997, 2005). Отмеченный нами факт докармливания птенца в первой декаде сентября может быть свидетельством возможности подобного же явления у зимородков и в Зайсанской котловине, однако это предположение ещё требует дополнительного подтверждения.

Литература

- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2 // *Рус. орнитол. журн.* **9** (93): 3-20.
- Зверев В.М. 1970. Наблюдения за гнездовой жизнью зимородка (*Alcedo atthis hispidus* L.) в ур. Бартагой Заилийского Алатау // *Тр. Алма-Атинского запovedника* **9**: 126-131.
- Карташёв Н.Н. 1962. К биологии зимородка в Окском заповеднике // *Тр. Окского заповедника* **4**: 271-286.
- Корелов М.Н. 1970. Род Зимородок – *Alcedo* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **3**: 70-77.
- Котюков Ю.В. 1986. К изучению численности и продуктивности популяции обыкновенного зимородка // *Тез. докл. 9-й Всесоюз. орнитол. конф.*, Л., **1**: 327-328.
- Котюков Ю.В. 1997. Четыре кладки в течение сезона у обыкновенного зимородка *Alcedo atthis* // *Рус. орнитол. журн.* **6** (12): 16-19.
- Котюков Ю.В. 2005. Обыкновенный зимородок *Alcedo atthis* (Linnaeus, 1758) // *Птицы России и сопредельных регионов: Сивообразные. Козодоеобразные. Стрижеобразные. Ракшеобразные. Удодообразные. Дятлообразные*. М.: 217-240.
- Пфеффер М.Г. 2000. Гнездовая биология зимородка (*Alcedo atthis*) в Илийской долине (Юго-Восточный Казахстан) // *Selevinia*: 158-163.
- Рустамов А.К. 2007. Отряд Ракшеобразные – Coraciiformes // *Птицы Средней Азии*. Алматы, **1**: 494-522.
- Сагитов А.К. 1990. Семейство Зимородковые Alcedinidae // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, **2**: 267-270.



О пылевых ваннах рябчика *Tetrastes bonasia*

С.А.Фетисов

Второе издание. Первая публикация в 1976*

Купание куриных птиц в пыли широко известно. Это свойственно и другим птицам, однако у куриных купание в пыли наиболее развито. Для них это не только пылевая ванна, а сложное поведение, складывающееся также из солнцевания и перебирания пера. Места пылевых ванн куриных называют «порхалищами» или «пурхалками», а само явление – порханием. Порхалищем автор называет место в пределах индивидуального участка, где имеется одна или несколько ямок, расположенных не далее 10-15 м друг от друга.

В 1970-1972 годах на юго-западе Псковской области мы изучали поведение рябчика *Tetrastes bonasia* на порхалищах. Найдено и описано более 100 порхалищ. На 53 из них проводились регулярные наблюдения. Дополнительно использованы результаты наблюдений в вольере.

При устройстве порхалищ рябчики искали места с обнажённым грунтом. Субстратом для пылевых ванн им служил песок, древесная труха или материал бывшего муравейника. Чаще всего (40% случаев) рябчики устраивали порхалища под выворотами хвойных (табл. 1), реже – на местах деятельности некоторых животных (27%) или человека (14%).

Таблица 1. Расположение порхалищ рябчика *Tetrastes bonasia* в Идрицком охотничьем хозяйстве Псковской области

Расположение порхалищ	Число случаев
Вывороты деревьев	43
Обнажения грунта	12
Старые трухлявые пни	8
Старые кротовины	17
Выбросы песка у нор	6
Места пороев кабана	3
Бывшие муравейники	3
Лесные дороги	7
Просеки и лесосеки	4
Кострища	4

* Фетисов С.А. 1976. О пылевых ваннах рябчика (*Tetrastes bonasia*) // Зоол. журн. **55**, 5: 736-740.

Принадлежность порхалищ рябчику устанавливалась по найденным пёрышкам и по размеру ямок. Средний их диаметр равнялся 13-15 см, глубина – 6 см (табл. 2). Размеры и форма ямок варьировали в зависимости от характера субстрата; например, одна старая ямка в рыхлом песке имела диаметр 22 см (почти как у тетерева *Lyrurus tetrix*), другая, на утоптанной лесной тропинке, в глубину не превышала 0.5 см. Количество ямок на порхалище рябчиков определяется размерами порхалища, защитными условиями, освещением, характером грунта, количеством посещающих их птиц. 90 обследованных порхалищ насчитывало 1-2 ямки, 16 – 3-4 ямки и лишь 1 – 5 ямок. В пределах порхалища ямки располагались по-разному. Нередко они размещались в несколько «этажей» на вывороте, в сплетении корней или какой-нибудь нише с достаточным количеством земли.

Таблица 2. Размеры ямок на порхалищах рябчика *Tetrastes bonasia*

Диаметр ямок, см	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Количество случаев	3	32	27	29	3	4	1	—	—	—	1
Глубина ямок, см	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Количество случаев	1	—	3	2	12	50	27	5	—	—	—

Ямки посещались рябчиками с первой половины мая до конца августа. Время появления новых порхалищ приведено в таблице 3.

Таблица 3. Время появления новых порхалищ рябчика *Tetrastes bonasia* по декадам

Месяцы	1-я декада	2-я декада	3-я декада	Всего
Май	6	3	8	17
Июнь	6	5	1	12
Июль	8	8	8	24
Август	—	—	1	1
Сентябрь	2	—	—	2

Процесс порхания носит стереотипный характер. Он отчётливо подразделяется на ряд фаз, последовательность которых строго определённая. Во время первой фазы рябчик приходит и садится в ямку, встряхивается, топорщит перо и начинает как бы «клевать» землю. На самом деле птица быстро погружает сомкнутый клюв до основания в рыхлый грунт и вынимает его. На второй фазе, поворачиваясь с боку на бок, рябчик поочерёдно, то одной, то другой ногой загребаёт песок и отбрасывает его назад. Часть песка при этом попадает под перо, главным образом под полураспущенные крылья. Во время третьей фазы (рис. 1, 1), лёжа на груди, птица с помощью ног и крыльев обы-

пает себя песком ещё и сверху. На четвёртой фазе рябчик резко встряхивается всем телом, освобождаясь от посторонних частиц в оперении.

Рябчики в возрасте 1.5-2 месяца обычно выполняют не весь комплекс движений, связанных с порханием. Часто они просто сидят в ямке или пытаются неуклюже набивать субстрат под перо. Однако со временем их движения всё больше напоминают свойственные взрослым птицам. Не исключено, что самки обучают молодых птиц приёмам порхания. Так, самка, содержащаяся в вольере вместе с молодой птицей, то начинала купаться в пыли, то вставала из ямки, явно находилась в возбуждении и сопровождала свои действия тихой тревожной трелькой, которая вызывала ориентировочную реакцию у находящегося рядом с ней молодого рябчика.

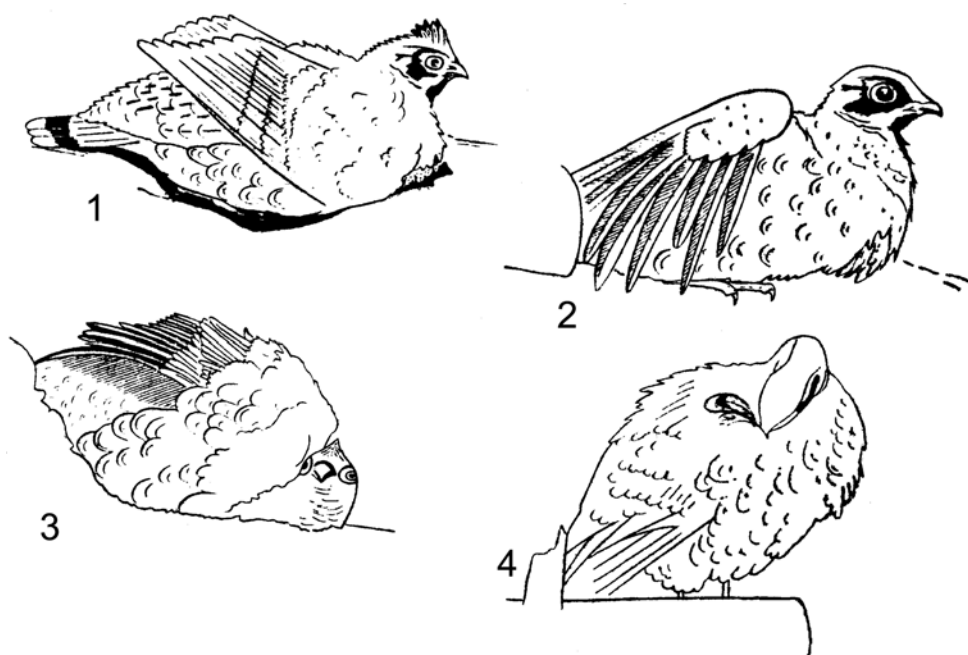


Рис. 1. Позы рябчика *Tetrastes bonasia* на порхалищах.

1 – поза при движениях, способствующих попаданию песка под перо; при вытряхивании песка из оперения птица очищает перо от грязи и эктопаразитов; 2 – поза солнцевания; 3 – рябчик выжидает, когда под действием солнечных лучей эктопаразиты переместятся в места, удобные для их удаления вместе с песком при вытряхивании; 4 – перебирание пера клювом.

Около порхалищ и во время порхания рябчики принимали солнечные ванны. Позы птиц при этом бывали весьма различны, но во всех случаях очень характерны. Одни из них (рис. 1, 2) наблюдались около порхалищ в перерывах между пылевыми ваннами, другие (рис. 1, 3) – только при порхании. Следует отметить, что позы солнцевания рябчики принимали независимо от наличия прямого солнечного света.

Как можно судить по фотографиям (Теплов 1947; Немцев и др. 1973), позы и движения у рябчика и глухаря *Tetrao urogallus* очень сходны. Порхание рябчика и домашних кур совпадает буквально по всем элементам поведения. Видимо, процесс порхания у куриных

сложился очень давно, ещё до момента расхождения их на группы теревинных и фазановых, и в дальнейшем подвергался лишь незначительным изменениям.

Порхание рябчиков не зависит от температуры воздуха и почти не зависит от облачности и количества осадков. Распространено мнение, что птицы порхаются с целью очистки пера от грязи и эктопаразитов (Формозов 1934; Олигер 1940; Теплов 1947а,б; Семёнов-Тян-Шанский 1959; Гребенюк, Касиев 1964; Доппельмаир и др. 1966). Большинство полученных нами данных также говорит в пользу такого предположения. То, что куриные очищают во время порхания перо от грязи, не требует доказательств. Достаточно сравнить в любой деревне белых кур из двух дворов: закрытого и имеющего выгул с местами, пригодными для купания в пыли. Обычно после 3-4 пылевых ванн цвет пера меняется до неузнаваемости. Наличие в ямках для порхания массы активных пухоедов и перьевых клещей свидетельствует о том, что порхание способствует удалению и эктопаразитов. Следует, однако, отметить, что на порхалищах птицы, особенно молодые, не только освобождаются от эктопаразитов, но могут и заражаться ими, чему способствует совместное посещение порхалища выводком и привычка рябчиков менять несколько ямок во время порхания.

Фауна эктопаразитов рябчика сравнительно небогата. Из клещей на нём паразитируют нимфы и личинки *Ixodes ricinus* L., из перьевых клещей *Merginia cubitalis* Megm., а из двукрылых муха-кровососка *Ornithomya chloropus* Berg. (Олигер 1940). Богаче представлены пухоеды: *Goniocotes megalocephalus* Uch., *Lagopoeus cameratus* Nitzsch., *Lipeurus* sp., *Goniodes* sp. (Донауров 1947; Дубинин 1948а; Шумило, Лункашу 1970, 1972). Пухоеды родов *Goniocotes* и *Lagopoeus* обнаружены практически у всех особей. Более заражёнными всегда оказываются голова, главным образом веки, углы клюва и уши (*I. ricinus*), верхняя часть шеи и спины (*Goniocotes*, *Lagopoeus*), перья крыльев (*M. cubitalis*), подкрылья и брюшко (*Goniodes*, *O. chloropus*) (Олигер 1940; Дубинин 1948а,б; Шумило, Лункашу 1972).

Но наблюдениям 1972 года (рис. 2), периоды усиленного посещения рябчиками порхалищ в общем совпадают со временем исчезновения перьевых клещей и пухоедов родов *Goniocotes* и *Lagopoeus*.

Некоторые движения при порхании довольно просты и направлены, видимо, на непосредственное удаление эктопаразитов и уменьшение зуда, вызываемого ими. Это почёсывание головы, особенно часто века, лапой, непродолжительное перебирание пера, погружение сомкнутого клюва в рыхлый субстрат. Подчас рябчики ложились на бок, тёрлись боком и шеей, сильно подгибая её под туловище, иногда даже переворачивались и тёрлись спиной и шеей. В ямках с неподходящим субстратом (с плотным грунтом, древесной трухой или с материалом му-

равейника) птицы даже не порхались в полном смысле слова, а, скорее, просто тёрлись, что они изредка делали и при смене ямок: не дойдя до следующей, рябчики садились на подстилку их хвои или на сухие листья и начинали проделывать комплекс обычных для порхания приёмов. Значение ямки в этом случае проявлялось особенно наглядно: пользуясь ею, рябчики без усилия тёрлись о её бортик не только головой, но и шеей, грудью, боком, даже спиной.

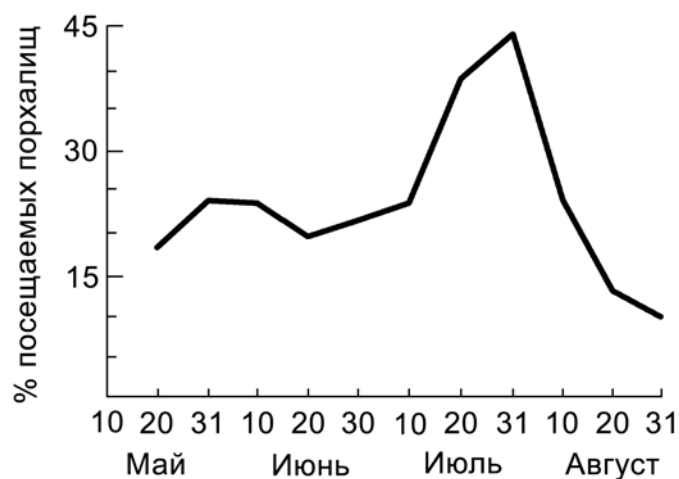


Рис. 2. Частота посещения порхалищ рябчиками *Tetrastes bonasia*.

Таблица 4. Посещение рябчиками *Tetrastes bonasia* порхалищ с различным субстратом

Характер субстрата	Кол-во посещённых ямок
Песок	45
Материал муравейника	9
Трухлявая древесина	2
Плотный грунт	2

Каким же образом могут удаляться эктопаразиты, особенно микроскопические, как, например, представители рода *Merginia*? Эксперименты на пеликане *Pelecanus crispus* и серой цапле *Ardea cinerea* показали, что для удаления пухоедов этим птицам необходимо растянуть кожу (Дубинин 1948а). Подобными движениями у рябчика, на наш взгляд, является непродолжительное перебирание пера, когда птица как бы случайно захватывает и теребит перо то в одном, то в другом месте (рис 1, 4). Во время порхания рябчики принимают солнечные ванны. Изучение биологии пухоедов куриных птиц *Menacanthus stramineus* Nitzsch. (Гребенюк, Касиев 1964) показало, что они гибнут от прямых солнечных лучей через 2-3 ч. Прямой солнечный свет увеличивает подвижность эктопаразитов (Simmons 1964; Kennedy 1969) и

стимулирует их передвижение с освещённых участков тела и малодоступных мест – таких как голова и подкрылья. Этим можно объяснить чередование многих поз и движений рябчиков при порхании. Подставляя под солнце отдельные участки оперения, рябчики как бы выжидают, пока эктопаразиты переместятся в области, удобные для их удаления вместе с частицами субстрата во время встряхивания. Явное предпочтение рябчиками сухого мелкого субстрата также имеет определённый смысл. Опытным путём показано, что пухоед *M. stramineus* гибнет в пыли песка от закупорки дыхалец (Гребенюк, Касиев 1964). Таким образом, на примере рябчика видно, что порхание имеет важное адаптивное значение в жизни куриных птиц.

Литература

- Гребенюк Р.В., Касиев С.К. 1964. Биология пухоеда куриных птиц *Menacanthus stramineus* (Nitzsch.) // *Изв. КиргССР. Сер. биол. наук* 6: 59-69.
- Донауров С.С. 1947. Рябчик в Печоро-Ыльчском заповеднике // *Тр. Печоро-Ыльчского заповедника* 4: 77-122.
- Доппельмаир Г.Г., Мальчевский А.С., Новиков Г.А., Фалькенштейн Ю.Б. 1966. *Биология лесных птиц и зверей*. М.: 1-403.
- Дубинин В.Б. 1948а. Исследование адаптации эктопаразитов. 2. Экологические адаптации перьевых клещей и пухоедов // *Паразитол. сб. Зоол. ин-та АН СССР* 9: 191-222.
- Дубинин В.Б. 1948б. Строение покровов млекопитающих и птиц как фактор, определяющий видовой состав и локализацию наружных паразитов // *Природа* 4: 25-29.
- Немцев В.В., Криницкий В.В., Семёнов Е.К. 1973. Разведение тетеревиных птиц в вольерах // *Тр. Дарвинского заповедника* 11: 168-178.
- Олигер И.М. 1940. Паразитофауна рябчика (*Tetrastes bonasia volgensis* But.) на севере Горьковской области // *Учён. зап. Ленингр. ун-та. Сер. биол.* 59, 1: 102-124.
- Семёнов-Тян-Шанский О.И. 1959. Экология тетеревиных птиц // *Тр. Лапландского заповедника* 5: 1-319.
- Теплов В.П. 1947а. К экологии боровой дичи Печоро-Ыльчского заповедника // *Тр. Печоро-Ыльчского заповедника* 4: 123-167.
- Теплов В.П. 1947б. Глухарь в Печоро-Ыльчском заповеднике // *Тр. Печоро-Ыльчского заповедника* 4: 3-76.
- Формозов А.Н. 1934. Материалы к биологии рябчика по наблюдениям на севере Горьковского края // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 43, 1: 1-34.
- Шумило Р.П., Лункашу М.И. 1970. К фауне пухоедов птиц Прут-Днестровского междуречья // *Паразиты животных и растений* 5: 10-28.
- Шумило Р.П., Лункашу М.И. 1972. *Пухоеды (Mallophaga) диких сухопутных птиц Днестро-Прутского междуречья*. Кишинёв: 1-160.
- Kennedy R.J. 1969. Sunbathing behaviour of birds // *Brit. Birds* 62, 7: 45-47.
- Simmons K.E.L. 1964. Feather maintenance // *New Dict. of Birds*. London: 278-286.



Туркестанская горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros phoenicuroides* в горно-таёжной части Западного Алтая

Б.В.Щербаков

Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221,
г. Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 19 ноября 2009

Туркестанская горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros phoenicuroides* (Horsfield et Moore, 1854) – сравнительно редкая гнездящаяся птица таёжного и альпийского поясов Ивановского, Убинского, Ульбинского и Холзунского хребтов Западного Алтая. Спорадически гнездится по скалам и осыпям склонов южной экспозиции в таёжном поясе гор. Исключительно редко по скальникам поднимается выше границы леса в альпийский пояс до 2100 м над уровнем моря. М.А.Кузьмина (1970, с. 581) подчёркивает, что на Алтае выше 2000 м чернушки «встречаются редко и лишь там, где есть скалистые, хорошо прогреваемые склоны с кустарником». На Ивановском хребте у Лениногорска (Риддер) М.А.Кузьмина (1953) наблюдала их в одиночку и парами 24 июля 1948 на высоте около 2000 м у верхней границы леса между редкими кедрами.

Весной чернушка появляется раньше, чем обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*, в первой-второй декадах апреля, когда ночами температура воздуха нередко понижается до минус 10-15°C. В Усть-Каменогорске наиболее ранние особи наблюдались 9 апреля 1969 и 5 апреля 1978 (Березовиков и др. 2007). В 1971 году 2 первых самца отмечены 13 апреля на скалистом склоне сопки в долине Быструхи у Лениногорска. Время от времени слышалось их тихое пение. Гонады добытого в тот день самца достигали 1×2 мм. Одиночные самцы также наблюдались 23 и 25 апреля 1970 на окраине города и по его окрестным сопкам – урочище Чашино, южные склоны Синюхи (Убинский хребет, 1500 м). Самец и самка 5 мая 1973 упорно держались по скальным выходам склона отрогов Ульбинского хребта в окрестностях Горной Ульбинки (700 м). Птицы не покинули этого места даже после выстрела по ним. Токующий самец 15 мая 1971 наблюдался среди Каменистой осыпи на отроге Убинского хребта – горе Гребнухе (1600 м) – в 5 км севернее Лениногорска. Проявляющая сильное беспокойство пара чернушек отмечена также 26 мая 1976 в ущелье реки Громотухи у Лениногорска (Ивановский хребет, 800 м), где они держались на каменистой осыпи юго-восточного склона. Две пары на расстоянии 200 м

друг от друга наблюдались 27 июня 1970 на водоразделе Ивановского хребта у вершины «Три брата» (около 2000 м н.у.м.).

Гнёзд чернушки обнаружить не удалось. Семья с 4 самостоятельными молодыми 4 июня 1974 встречена на горе Малый Синюшонок (Убинский хребет, 1800 м н.у.м.) у Лениногорска. Другой выводок из 5 самостоятельных молодых отмечен 21 июня 1968 на горе Столбоухе (Холзунский хребет, 1800-1900 м). Держались они в таёжном поясе на одном из скалистых склонов, обращённых к долине реки Бухтармы. Выводок из 6 молодых, также достигших размеров взрослых, 23-24 августа 1963 наблюдался по каменистым осыпям Проходного белка (Ивановский хребет, 2000 м). На Ульбинском хребте в крупноглыбовой морене у подножия горы Золотухи около Мало-Ульбинского водохранилища (2100 м) 10 августа 1976 встречены 2 самостоятельные молодые чернушки (Березовиков Щербаков 2008).

Осенний отлёт горихвосток-чернушек проходит незаметно в августе-сентябре. В среднем течении Убы у города Шемонаиха пролётная чернушка добыта 18 августа 1946 (Кузьмина 1948). Последние особи отмечены 8 сентября 1971 на каменистой осыпи среди пихтово-осинового леса на склоне Столбоухи (Холзунский хребет, 1600 м). Одиночка наблюдалась также 15 сентября 2005 на перевале через Коксинский хребет. В эти же сроки вплоть до конца сентября отмечался их отлёт в других местах Алтая (Кучин 1982; Березовиков 1989).

Литература

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В., Егоров В.А. 2007. Воробьиные птицы поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2 // *Рус. орнитол. журн.* **16** (372): 1063-1094.
- Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В. 2008. Орнитологические наблюдения в горно-таёжной части Западного Алтая в августе 1976 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 275-278.
- Кузьмина М.А. 1948. Материалы по авифауне предгорий Западного Алтая // *Изв. АН КазССР*. Сер. зоол. 7: 84-84-106.
- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 2: 80-104.
- Кузьмина М.А. 1970. Род Горихвостка – *Phoenicurus* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 572-600.
- Кучин А.П. 1982. *Птицы Алтая. Воробьиные*. Барнаул: 1-208.
- Щербаков Б.В. 2006. Наблюдения за птицами в Западно-Алтайском заповеднике осенью 2005 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2005: 139-142.



О куликах поймы Иртыша в окрестностях Усть-Каменогорска

В.В.Хроков, И.Ф.Самусев

Второе издание. Первая публикация в 1990*

Усть-Каменогорск расположен у западной периферии Алтая, большей частью на правом берегу Иртыша при впадении в него реки Ульбы. За период с 1953 по 1984 год нами отмечено 25 видов куликов: *Pluvialis squatarola*, *Charadrius dubius*, *Vanellus vanellus*, *Chettusia gregaria*, *Arenaria interpres*, *Haematopus ostralegus*, *Numenius arquata*, *N. phaeopus*, *Limosa limosa*, *Xenus cinereus*, *Actitis hypoleucos*, *Tringa ochropus*, *T. glareola*, *T. nebularia*, *T. totanus*, *Philomachus pugnax*, *Calidris alba*, *C. minuta*, *C. temminckii*, *C. subminuta*, *C. alpina*, *Limnocryptes minimus*, *Gallinago gallinago*, *G. media*, *Phalaropus lobatus*. Большинство видов (84%) относятся к пролётным. Приводим сведения о наиболее редких куликах, а также по гнездованию некоторых обычных видов, данные о пролёте которых уже опубликованы (Щербаков, Березовиков 1978).

***Charadrius dubius*.** Малый зуёк гнездится по галечниковым и песчаным отмелям Иртыша и Ульбы в пределах города. На окраине города 14 июня и 16 июня 1963 недалеко друг от друга найдены два гнезда: с 4 слабо- и 2 сильнонасиженными яйцами. Рядом со вторым гнездом лежали скорлупки. На следующий день это гнездо оказалось пустым.

***Vanellus vanellus*.** Летом на лугах поймы Иртыша наблюдаются одиночные, видимо, бродячие холостые чибисы. В верховьях Уланки в 1953-1957 годах в начале июня отмечались наполовину оперившиеся птенцы. В 20-х числах июня молодые начинали летать.

***Chettusia gregaria*.** Кречётка встречена на Монастырских озерах (Калбинский хребет, 60 км от города) 27 июня 1957, где в то время не исключено было её гнездование.

***Numenius phaeopus*.** На пустыре окраины Усть-Каменогорска 22 октября 1958 найдена высохшая тушка среднего кроншнепа, видовая принадлежность которого была определена по хорошо сохранившемуся оперению и клюву.

***Tringa hypoleucos*.** Обычная гнездящаяся птица берегов и островов Иртыша, Ульбы и Малой Ульбы. Гнездится нередко в непосред-

* Хроков В.В., Самусев И.Ф. 1990. О куликах поймы Иртыша в окрестностях г. Усть-Каменогорска // Зоологические проблемы Алтайского края. Барнаул: 52-54.

венной близости от построек человека, на пустырях и галечниках пляжей, в результате чего гнёзда подвергаются разорению. Найдены следующие кладки и птенцы перевозчика: на Комсомольском острове в черте города 28 июня 1962 – 4 проклюнутых яйца, 2 июня 1965 – 4 свежих яйца; в устье Ульбы 10 июня 1963 – 2 слабонасиженных яйца (всего в 0.5 м. от пешеходной тропы; через 2 дня гнездо было разорено), 23 июня 1963 – 2 пуховых птенца с пеньками на крыльях, 10 июня 1964 – 4 только что вылупившихся птенца; на дачном участке 26 мая 1984 – 4 свежих яйца (на клубничной грядке; несмотря на ежедневный её полив, птенцы вылупились 12 июня и несколько дней держались в зарослях малины и крыжовника).

Gallinago media. Дупель найден на гнездовании впервые в Восточном Казахстане. Гнездо с 4 слабонасиженными яйцами обнаружено 18 июня 1964 на левом берегу Ульбы выше города и помещалось на сыром лугу в густой высокой траве. Представляло собой едва заметное углубление в почве, заполненное сухой травой (диаметр гнезда 140, глубина 25 мм). Птица не добыта, но от бекаса вспугиваемая наседка отличалась белыми крайними рулевыми и более грузным обликом. Яйца крупнее бекасиных: 43×32, 44×33, 45×33 и 48×33 мм. Заметим, что если И.А.Долгушин (1962) сомневается в возможности гнездования дупеля в данном районе, то П.П.Сушкин (1938) считает, что в окрестностях Усть-Каменогорска этот кулик определённо гнездится.

Из всех куликов, встречающихся в окрестностях Усть-Каменогорска, объектами спортивной охоты могут являться тулес, чибис, большой кроншнеп, большой веретенник, черныш, турухтан, травник, большой улит и бекас. Благодаря же своей осторожности эти виды добываются местными охотниками лишь в незначительном количестве. Под выстрелы обычно попадают доверчивые кулики-воробьи, круглоносые плавунчики и другие мелкие виды. Давно назрела необходимость чёткого разделения куликов (кроме видов, занесенных в Красные книги) на охотничьих и не охотничьих, чтобы предотвратить бессмысленное истребление мелких видов в сезон охоты.

Литература

- Долгушин И.А. 1962. Отряд кулики // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 40-245.
Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.

